

УДК 94(571.15)

ББК 63.3(253.3)535-9

Деятельность Управления Алтайского округа в региональном контексте Февральской революции*

П.А. Афанасьев, А.А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Activity of the Altai District Administration in the Regional Context of the February Revolution

P.A. Afanasiev, A.A. Kalashnikov

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена анализу позиции и деятельности ведомственного руководства Алтайского округа в условиях регионального развития Февральской революции. Авторы рассматривают процесс признания старой администрацией округа вновь созданного Комитета общественного порядка. При отсутствии указаний из Кабинета его императорского величества Управление округа продолжало считать себя законной местной властью. Только после подтверждения своих полномочий Временным правительством Управление округа пошло на диалог с Комитетом общественного порядка. Главным результатом деятельности Управления Алтайского округа в первые дни революции стали решения Согласительной комиссии, анализу которых посвящено основное содержание статьи. Выводы комиссии были направлены на обеспечение общественного порядка в округе. Начавшаяся во второй декаде марта ликвидация кабинетской собственности и рост выступлений населения против чинов округа предопределили быструю потерю реальной власти Управлением округа. Авторы приходят к выводу, что после официальной ликвидации кабинетского землевладения попытки прежней кабинетской администрации Алтая сохранить властные полномочия оказывались бесполезными.

Ключевые слова: Февральская революция, Алтайский округ, комитет общественного порядка, Управление Алтайского округа, согласительная комиссия, Л.Л. Маслов.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-03

Отречение Николая II и политическая ликвидация института самодержавия в ходе Февральской революции 1917 г. напрямую затронули все владения бывшего

The article is devoted to the analysis of the position and activity of the departmental leaders of the Altai District in the conditions of regional development of the February Revolution. The authors consider the process of recognition by the old administration of the district of recreated Committee of Public Order. In the absence of instructions from the Cabinet of His Emperor Majesty the Administration of the district continued to consider itself as the legitimate local government. Only after confirmation of the powers by the Provisional Government, the Administration of the district started the dialogue with the Committee of Public Order. Decisions of Conciliation Commission analyzed in the article, became the main result of the activity of the Altai District Administration in the first days of the Revolution. Conclusions of the commission were aimed at providing public order in the district. The elimination of the Cabinet's property which began in the second decade of March and growth of protests of the population against the officials in the district predetermined the loss of the real power of the district Administration. The authors come to a conclusion that after official elimination of the Cabinet's land tenure the attempts of former Cabinet's administration of Altai to keep powers of authority were obviously useless.

Key words: February revolution, Altai district, committee of public order, Administration of the Altai district, conciliation commission, L. L. Maslov.

императора. В течение нескольких дней они не только лишились прежнего собственника, но и потеряли цель своей деятельности — финансовое обеспечение

---

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII — начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

императора через пополнение бюджета Министерства императорского двора. Одним из крупнейших императорских владений был Алтайский округ. Управлявший им Кабинет его императорского величества к началу 1917 г. поступательно проводил политику интенсификации лесного и земельного хозяйства округа, нередко сталкиваясь в этих направлениях с интересами крестьянского населения. Итоги Февральской революции неизбежно становились для Алтайского округа и руководивших им структур важнейшим рубежом, завершая все предыдущее развитие региона.

Несмотря на подобную значимость результатов Февральской революции для Алтайского округа, этот поворотный момент в региональной деятельности Кабинета оказался слабо представлен в научной литературе. При изучении развития кабинетского хозяйства в предреволюционные годы историки завершают анализ началом 1917 г., изредка отмечая лишь быструю деградацию окружного хозяйства после февральских событий, но не рассматривая их роль в этом процессе. В литературе, посвященной анализу революционных событий на Алтае, общим местом является констатация резко негативного отношения населения к служащим округа в марте 1917 г., что делало ненужным какой-либо анализ перехода власти в регионе от старых органов к новым [1, с. 35, 36, 39; 2, с. 23–24, 27–28, 60]. Попытка комплексного анализа последствий Февральской революции для развития Алтайского округа как кабинетского региона впервые была предпринята Г.П. Жидковым. Затронув произошедшие весной 1917 г. изменения во владельческой принадлежности земель округа, системе ведомственного управления регионом и отметив влияние этих процессов на крестьянское движение, автор полагал, что политика регионального чиновничества округа после Февральской революции была направлена преимущественно на удержание собственной власти в регионе в надежде на «монархическую реставрацию» [3, с. 250]. Осуществленный Н.Ф. Иванцовой анализ аграрной политики и крестьянского движения на Алтае в 1917–1918 гг. показал, что в новых условиях чиновники Главного управления Алтайского округа придерживались курса Временного правительства, а их деятельность была направлена на сохранение доходности округа путем эксплуатации населения [4, с. 60]. Процесс вхождения Алтайского округа в новую ситуацию в регионе под влиянием революционных процессов рассматривал С.Е. Поляков [5, с. 43–47; 6, с. 177–183]. Во всех этих немногочисленных публикациях реакция Управления Алтайского округа на произошедшие в начале марта 1917 г. радикальные перемены до сих пор оставалась без должного внимания исследователей. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать позицию и деятельность ведомственного руководства округа в условиях развития Февральской революции на Алтае.

Первые сведения о революционных событиях в Петрограде в Барнауле были получены по телеграфу в Управлении Алтайской железной дороги только 2 марта 1917 г. На совещании представителей общественных организаций города было решено из-за неясности полученной информации не предпринимать никаких действий и ждать до выяснения положения [7, с. 18–19]. Официальные телеграммы М.В. Родзянко о смене власти в столице были получены Барнаульской городской думой 3 марта вместе с предложением соблюдать спокойствие и участвовать в создании «комитета общественных организаций» [1, с. 29]. Алтайские газеты сообщили населению о событиях в Петрограде только 4 марта. Тогда же на совещании представителей общественных организаций, союзов и партий был создан барнаульский Комитет общественного порядка, взявший власть в городе и распространивший ее на весь Алтайский округ. На первом заседании Комитета для надзора за учреждениями комиссары были назначены на почту, телеграф, в государственный банк, в управление Алтайского округа [7, с. 21].

В революционных условиях руководство Алтайского округа было вынуждено быстро подстраиваться под изменившуюся ситуацию. Поскольку Главное управление Алтайского округа не участвовало в формировании нового органа власти, ему, как и Барнаульской городской думе, оставалось только признать Комитет общественного порядка. Но никаких инструкций из Кабинета не поступало, неизвестной для местной ведомственной бюрократии оставалась судьба Министерства императорского двора [8, с. 30]. В столице находился и начальник Алтайского округа Ф.Т. Петров, выехавший в феврале 1917 г. в командировку. Поэтому оставшееся окружное начальство оказалось в довольно неловком положении, когда бездействие могло привести к ухудшению ситуации, а всю ответственность за принятие решений приходилось полностью брать на себя. Исполнявший обязанности начальника Алтайского округа Л.Л. Маслов был вынужден действовать самостоятельно исходя из складывавшейся в округе обстановки.

Первое официальное признание руководством Алтайского округа совершившейся революции было выражено в приказе начальника округа от 6 марта [9, л. 12]. Объявляя служащим округа манифесты об отречении Николая II и Михаила, Л.Л. Маслов выразил готовность подчиниться Временному правительству. Вместе с тем приказ не содержал никакого признания новых местных революционных властных органов или подчинения им. Чинам округа предписывалось по-прежнему исполнять служебные обязанности, «стоя на страже интересов вверенного им имущества». Учитывая данное окружным чинам указание действовать, «ничем не нарушая принятого до сего порядка», приказ позволял сохранить окружному ру-

ководству формальную независимость от новых органов местной власти на случай получения распоряжений Кабинета. Отсутствие прямого признания новых местных органов власти, скорее всего, не являлось проявлением противостояния, а было результатом информационного вакуума со стороны руководства Кабинета. В этот же день, 6 марта, телеграммой управляющему Кабинетом Е.Н. Волкову Л.Л. Маслов сообщал: «Для охраны имущества вошел в тесное сношение с Комитетом общественного порядка» [10, л. 51].

Уже 7 марта новый приказ Л.Л. Маслова дополнительно разъяснял позицию окружного руководства по отношению к новым властям. В приказе вновь говорилось о признании Временного правительства как действующей власти, а также о необходимости оставаться на прежних местах всем служащим округа. Низшим служащим округа предписывалось подчиняться своим «законным начальникам», что в контексте приказа подразумевало сохранение в неизменном виде окружной вертикали управления. Приказ также констатировал появление Комитетов общественного порядка, но не как полноценной местной власти, а только как органов по охране имущества, и призывал население к спокойствию. Вновь ничего не говорилось о подчинении окружных чинов и учреждений новым местным органам. Чинам округа, находящимся вне Барнаула (лесничим, заведующим районами и отдельными учреждениями), лишь следовало войти в соглашение с местными комитетами для содействия с их стороны охране имущества округа [9, л. 13].

Признание Комитетов общественного порядка со стороны Управления Алтайского округа вряд ли можно считать добровольным, скорее, в этом была острая необходимость. Немного позже Л.Л. Маслов сообщал в Кабинет, что в округе наблюдалось «открытое выражение желаний раздела всего кабинетского имущества и смелые выступления против администрации округа» [8, с. 30]. По сведениям Г.П. Жидкова, уже 3 марта касмалинский лесничий был готов обороняться «ввиду народных волнений» [3, с. 247–248]. Первые сообщения о самовольных порубках, прекращении продажи леса и увольнении лесной стражи поступили из Барнаульского и Озерского лесничеств в Управление округа 4 и 5 марта [10, л. 69 об.]. Начавшееся в алтайской деревне движение против кабинетской администрации ставило под угрозу сохранение ею власти. Поэтому Комитеты общественного порядка как органы, созданные общественностью, стали рассматриваться Управлением округа как инструменты успокоения населения и защиты кабинетского имущества. Формально сохраняя свою власть в округе, Управление было вынуждено считаться с появлением конкуренции со стороны новых органов и опасностью потери своего влияния на подведомственных территориях лесничеств.

Можно согласиться с мнением Г.П. Жидкова, что удержание власти окружной администрацией в условиях нарастающего движения крестьян было затруднено наличием новых органов, постепенно концентрировавших в своих руках все более широкий круг полномочий. В их число 8 марта 1917 г. вошли Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов, избранные делегатами от торгово-промышленных предприятий и гарнизона Барнаула [2, с. 24]. В условиях революции насущным вопросом становилось распоряжение бывшим кабинетским земельно-лесным имуществом, на пользовании которым строилась вся хозяйственная деятельность Алтайского округа, а также возникали конфликты и проблемы с населением. Сложившиеся условия требовали более решительных действий от руководства округа по защите полноты своей административно-хозяйственной власти.

Поддержка притязаний окружной администрации на сохранение власти пришла от центральных структур ведомственного управления. В Алтайском отделении контроля 7 марта была получена телеграмма заведующего Контролем Министерства императорского двора, переданная на следующий день Л.Л. Маслову. В ней сообщалось о подчинении Министерства двора Временному правительству, которое сохранило все учреждения ведомства, в том числе и на местах, «на прежних основаниях в полном объеме», и сохранении без изменений личного состава [10, л. 51 об.; 11, л. 1]. По-видимому, телеграмма стала первым известием от петроградских структур управления округом, которого так не хватало местному руководству. По словам Л.Л. Маслова, телеграмма дала ему «возможность твердо опереться при сношениях со всеми комитетами, крестьянскими начальниками и Томским комиссариатом, назначенным вместо устранившегося губернатора» [10, л. 51 об.]. Поэтому не случайно, что 9 марта 1917 г. Л.Л. Маслов, уже считая себя утвержденным Временным правительством руководителем Алтайского округа, созвал в Барнауле совещание Согласительной комиссии.

Этот совещательный орган, по-видимому, должен был окончательно закрепить формальное сохранение главенствующей роли Управления округа в регионе в новой обстановке. Появившаяся властная сила в лице комитетов общественного порядка также не могла оставаться в стороне, поэтому Согласительная комиссия должна была преодолеть сохранявшуюся неопределенность отношения Управления округа к новой местной власти. Вместе с тем выступления населения и его неполные представления о сложившейся ситуации в управлении регионом могли нанести серьезный урон по доходности округа и его имуществу, что тоже требовало согласования действий с Комитетом общественного порядка, признанным Управлением округа в качестве органа охраны имущества и порядка. В таких условиях

Л.Л. Маслов заявил, что «целью настоящего совещания должно быть выяснение тех мер, которые необходимо принять в настоящий момент для обеспечения общественного порядка» [10, л. 26].

Инициатива Управления округа по созыву Согласительной комиссии предопределила состав этого органа. В него вошли: исполняющий обязанности начальника Алтайского округа Л.Л. Маслов; заведующие: лесной частью — Г.В. Орлов, земельной частью — А.П. Борзов, горной частью — В.А. Буштедт; старшие лесничие Н.Н. Абрамов, М.Н. Львов, К.П. Перетолчин, В.П. Монюшко; чиновник по обследованию земель Д.И. Зверев, барнаульский лесничий М.Г. Лаврентьев, заведующий чертежной Б.М. Быков; делопроизводители округа Н.А. Крыжановский, П.А. Белянин, Д.Н. Николаев; заведующий Алтайским отделением контроля Б.К. Эймондт; крестьянские начальники: 7 участка — И.М. Винокуров и восьмого участка — Л.И. Кузнецов, а также комиссары барнаульского Комитета общественного порядка А.А. Жарков и Ф.К. Хмелевцев [10, л. 26]. Большинство участников Согласительной комиссии было представлено окружным уровнем руководства региона и проживавшими в Барнауле чинами низовой администрации округа. Участие представителей новой местной власти можно расценивать как попытку дореволюционной администрации в условиях рухнувшей монархии сохранить контроль над властью, вписав новые органы в действующий аппарат ведомственного управления регионом, но без подчинения им.

Общее направление работы совещания было задано первым выступлением крестьянского начальника Л.И. Кузнецова. На примере подведомственного ему участка он заявил, что главной причиной нарушения порядка может быть недовольство крестьян закончившимся землеустройством, по итогам которого «не были удовлетворены насущные нужды населения в земле». Поэтому он справедливо полагал, что на этой почве население может начать расхищение лесов округа и захват его земель [10, л. 26], что подтвердилось дальнейшим развитием событий в округе весной и летом 1917 г. Высказанное опасение предопределило работу Согласительной комиссии в русле разработки мероприятий, максимально возможно предотвращавших такой сценарий событий.

Первая проблема, рассмотренная на совещании, касалась общих действий по успокоению населения алтайской деревни. Чины округа выдвинули интересный проект организации и отправки в деревни особых групп для диалога с населением. Так как группам предлагалось действовать от имени Комитета общественного порядка, в их состав следовало включать представителей Комитета и по одному представителю от Управления округа [10, л. 26]. Вероятно, проект был разработан еще до открытия совещания, на котором он был зачитан, но предварительно в этот же день

проект был отправлен Л.Л. Масловым в барнаульский Комитет общественного порядка для его утверждения [10, л. 5]. В проекте организации групп делегатов Л.Л. Маслов исходил из зафиксированного ранее в приказах по округу признания за Комитетом общественного порядка исключительно функций по защите имущества. В проекте предлагалось создавать группы «для просвещения деревни в смысле отношения ее к имуществу и служащим округа», чтобы защитить земли и леса округа от расхищения, действуя преимущественно «на сходе живым словом» [3, с. 251].

По встречному предложению комиссара Комитета общественного порядка А.А. Жаркова, которое уже печаталось в типографии, в состав таких групп следовало включить лишь трех представителей: «одного от Комитета, одного от солдат и одного от рабочих» (имеются в виду представители от Совета солдатских и Совета рабочих депутатов. — *П.А., А.К.*). На делегатов возлагалась обязанность установить нужное отношение к административным лицам и «всякой собственности». Также было предложено организовать в деревнях особые местные комитеты с милицией для поддержания общественного порядка [10, л. 26 об.]. Очевидно, под этим имелось в виду создание комитетов общественного порядка на самом низшем уровне — в селах и деревнях.

Проект Жаркова был единогласно принят участниками совещания и признан необходимым для реализации на всей территории Алтайского округа. Это показало, что Комитет общественного порядка перехватил инициативу округа, Управление которого, судя по протоколу, даже не настаивало на включении своих чинов в группы делегатов. Представители новых органов власти в этих группах получали возможность осуществлять контроль и влияние на население, фактически отстраняя администрацию округа от ее утверждения в новой системе местной власти. Само Управление округа также оказалось под контролем Комитета, поскольку его комиссары Жарков, Хмелевцев и Петров «приняли на себя охрану имущества округа как в городе, так и в уезде» (при этом Жарков и Хмелевцев являлись бывшими служащими округа) [10, л. 49 об.]. Однако, отказывая представителям окружного управления в их включении в состав делегатских групп, Комитет общественного порядка больше, чем чины округа, исходил из реальности происходящего. В условиях начавшейся конфронтации населения с чиновниками округа предложенный Л.Л. Масловым состав делегатских групп вряд ли мог выполнить задачу по успокоению жителей.

На втором этапе работы совещания были обсуждены мероприятия в области земельно-арендного хозяйства округа. Исходя из предшествующего опыта Управление округа выделило пять наиболее важных проблем, неизбежно обостривших отношения администрации округа с населением: 1) самовольный за-

хват земель округа; 2) задержка и неплатеж населением аренды; 3) сдача земель в аренду не обществу крестьян, а отдельным лицам или их группам; 4) повышение арендной платы за землю; 5) сдача земель в аренду с торгов.

Первые две проблемы, как ни странно, не вызвали заметной реакции со стороны представителей округа, несмотря на заявленную Управлением необходимость защиты кабинетского имущества. Совещание отметило, что самовольный захват земель и невыплата аренды в новых условиях «не представляют собой чего-либо особенно тревожного». Было решено, что восстановление нарушенных земельных прав округа и взыскание платежей «возможно будет произвести после утверждения власти в государстве» [10, л. 27]. Слабое внимание к этим вопросам, по-видимому, было вызвано тем, что уже с началом Первой мировой войны округ столкнулся с ростом самовольного пользования населением земель, связанного со слухами о возможном наделении земель после войны [12, с. 106]. Поэтому откладывание решения этих проблем на будущее не стало новшеством в политике окружной администрации, поскольку полностью соответствовало заявленному на совещании курсу на успокоение населения.

Решение последних трех вопросов учитывало интересы населения в рамках уже сложившихся правовых норм. В частности, в малоземельных селениях сдача земель в аренду посторонним людям, не входившим в крестьянские общества, была запрещена. Пожелание комиссаров Комитета общественного порядка о краткосрочной аренде земель не противоречило существовавшему праву лесничих округа заключать договоры аренды земель на срок до трех лет. Также совещанием было решено воздержаться от повышения арендной платы. Споры участников совещания вызвал вопрос о сдаче с торгов пригородных покосов, $\frac{3}{4}$ которых уже были сданы в аренду. На предложение комиссаров Комитета общественного порядка приостановить торги и разделить оставшиеся угодья между нуждающимися, чины округа ответили отказом, объясняя его «невозможностью установить число нуждающихся и степень их нужды» [10, л. 27–27 об.]. Последнее решение подчеркивало отказ Управления округа от каких-либо радикальных решений, резко менявших сложившиеся порядки.

При обсуждении актуальных проблем лесного хозяйства Согласительная комиссия сосредоточилась на отпуске дровяного леса семьям солдат, призванных на войну. Очевидно, исходя из опыта предшествовавших военных лет, чины округа ожидали дестабилизации обстановки от активизации солдаток [2, с. 22]. Существовавший порядок обеспечения их дровами, сообщенный участникам совещания заведующим лесной частью округа Г.В. Орловым, предусматривал по общему правилу бесплатный отпуск семьям солдат на отопление по 2 куб. сажени леса

в год из валежа, сухостоя и частью лиственного леса. Выявленные на совещании проявления недовольства населения сложившейся практикой отпуска леса были вызваны назначением слишком отдаленных от селений мест рубки леса — «за 60 и далее верст», а также неодинаковым количеством получаемого солдатами леса в различных районах округа [10, л. 27 об.]. В итоге семьи солдат не получали даже положенного им количества леса [2, с. 30]. Однако согласно приоритетам лесного хозяйства «размер отпуска определяется состоянием дач». Этот подход определял позицию округа и представленные Г.В. Орловым разъяснения, что «из ближайших мест по состоянию насаждений или же вследствие отвода таких мест другим селениям, они удовлетворены быть не могут или же ближе указанного расстояния совсем нет лесов округа» [10, л. 27 об.]. Тем не менее, для предотвращения «нарушения порядков солдатками» совещание приняло компромиссное решение. Были сохранены существующие нормы обеспечения дровяным лесом, но в некоторых местах округа разрешалось отводить хвойные породы в размерах будущих лесопушечных смет, а в особо напряженных случаях — проводить рубки даже в тех местах, где они ранее запрещались в целях лесозащиты, даже «не стесняясь тем, что в таких местах будет и неспелый или совсем молодой лес» [10, л. 28]. Формально принятое решение подтверждало норму, установленную 15 мая 1915 г. совещанием по организации удовлетворения солдатских семей округа бесплатным лесом [13, л. 6]. Делая исключения в порядке отпуска, Согласительная комиссия хотя и учитывала интересы населения, но не стремилась придать принятым отступлениям массовый и всеобъемлющий характер.

Как и в вопросе арендной платы, совещание решило не поднимать таксовые цены на лес для населения. Члены Согласительной комиссии понимали, что это ударит по доходам округа, однако сознательно отказались от «коммерческих соображений», приняв решение в пользу интересов населения [10, л. 28].

Не остались без внимания Согласительной комиссии обострившиеся уже в первые дни марта 1917 г. отношения населения и лесных объездчиков. Несмотря на поступавшие в Управление округа просьбы об их разоружении, на совещании чины округа вместе с комиссарами Комитета общественного порядка не поддержали это требование населения [10, л. 28 об.]. В данном случае это решение обеспечивало дополнительные силы для поддержания порядка на местах, хотя в дальнейшем население осуществило разоружение объездчиков явочным характером. Лишь в случаях обострения отношений населения с объездчиками для предотвращения конфликтов крестьянский начальник И.М. Винокуров высказался за перевод объездчиков в другие районы. Л.Л. Маслов посчитал данное предложение «резонным и принял его к сведению для соответ-

ствующего инструктирования лесничих» [10, л. 28 об.]. Обращает на себя внимание то, что Согласительная комиссия совсем не затронула проблему самовольных лесных порубок. В первой декаде марта 1917 г. порубки еще не приняли угрожающего характера. К тому же сохранение вооруженных объездчиков, по-видимому, успокаивало и Управление округа, и Комитет общественного порядка на случай возможного роста напряженности в отношениях с населением.

Совещание Согласительной комиссии подвело итог первым действиям Управления Алтайского округа в условиях совершившейся революции. Круг поднятых вопросов и результаты совещания позволяют утверждать, что Управление округа делало попытки разобраться в сложившихся обстоятельствах, пытаясь сохранить работоспособность сотрудников и порядок на подведомственной территории. Принятые с этой целью первоочередные хозяйственные распоряжения вряд ли можно назвать абсолютно новыми и радикальными по отношению к существовавшим нормам. Хотя большинство поднятых на совещании вопросов было решено в пользу удовлетворения нужд населения, эти результаты являлись разумным компромиссом, предусматривавшим максимально полное сохранение имевшейся хозяйственной практики, но без чрезмерной коммерциализации. Наиболее радикальной стала лишь возможность рубки молодого леса, и то заявленная как исключительная мера, при этом сохранялись аренда и лесные таксы. Участники комиссии понимали, что на совещании «далеко не исчерпаны все вопросы, подсказываемые переживаемым моментом». Хотя было принято решение «собираться периодически по мере выяснения надобности» [10, л. 28 об.], но документы о других совещаниях Согласительной комиссии нами не обнаружены.

Сам Л.Л. Маслов сообщал в Кабинет о «вынужденных компромиссах», на которые ему приходится идти ради сохранения «многомиллионного богатства округа» [10, л. 49 об.]. Поэтому можно согласиться с утверждением, что алтайская администрация не побоялась взять на себя ответственность по разработке перечисленных первоочередных мер [5, с. 43; 6, с. 179]. Однако вряд ли рассмотренные мероприятия разрушали основу коммерческого хозяйства округа. Принять их было необходимо еще в 1915 г. при обсуждении Кабинетом и округом помощи населению в годы войны. Аналогичные меры были предложены Кабинетом лишь 20 марта 1917 г. в телеграмме Е.Н. Волкова, очевидно, санкционируя принятые в округе решения, уже стремительно отстававшие от реальной ситуации [10, л. 40].

Совещание Согласительной комиссии не отразило открытой и острой борьбы за власть между старой окружной администрацией и новым местным органом власти. Но в менявшемся положении на местах Управление округа попыталось максимально и без по-

терь вписаться в новую систему региональных властных отношений. Совещание показало, что фактически в руках чинов округа сохранилась полнота хозяйственной власти, а административные функции воздействия на население и защиты имущества сосредоточились у вновь созданных органов. По всей видимости, это полностью удовлетворяло руководство округа. Не случайно только 11 марта приказом по Алтайскому округу его чинам было объявлено уже известное в Управлении с 7 марта сохранение Временным правительством деятельности окружных структур [9, л. 15]. Подтвердив свое руководящее положение, именно Управление округа 11 и 14 марта телеграммами сообщало лесничим о принятых Согласительной комиссией решениях, а также направило копии протокола ее совещания для руководства на места и для информирования — в Кабинет [10, л. 25, 42 об.].

Действия барнаульского Комитета общественного порядка приняли совершенно неожиданный характер, шедший вразрез с задачами, возложенными на него Согласительной комиссией. В день совещания, 9 марта, исполком Комитета в лице комиссаров Хмелевцева, Петрова и Жаркова отправил телеграмму министру-председателю Львову, министру земледелия Шингареву и министру юстиции Керенскому с требованием скорейшего решения вопроса о «громдном многомиллионном состоянии Алтайского округа» для порядка и спокойствия в регионе [14, л. 9]. Отсутствие даже намека на подобную инициативу в протоколах Согласительной комиссии позволяет считать это самостоятельным действием Комитета общественного порядка, предпринятым без согласования с Управлением округа.

Документы не позволяют говорить, было ли известно Л.Л. Маслову о телеграмме Комитета общественного порядка. Сам он, очевидно, скептически оценивал достигнутые соглашения с новым органом местной власти. В донесении в Кабинет от 15 марта Л.Л. Маслов сообщал, что с барнаульским комиссариатом им были установлены «более или менее терпимые отношения, за которые, впрочем, поручиться нельзя ни за один день вперед» [10, л. 49 об.]. Неопределенность создавала менявшаяся обстановка. Со второй декады марта 1917 г. начался стремительный рост конфронтации населения с чинами округа на местах [4, с. 61–62]. В таких условиях даже распоряжение хозяйством округа не могло долго оставаться в руках кабинетской администрации региона. Постепенно распространявшаяся в округе власть комитетов общественного порядка не останавливала массовые порубки, захваты земли и смещение лесной стражи. Барнаульский Комитет общественного порядка, очевидно, уже перестал воспринимать Управление округа как реальную власть в регионе. Временное правительство телеграммой от 13 марта оповестило Комитет о передаче в ближайшие дни

имущества Кабинета государству и временном сохранении только до этого момента власти окружной администрации над Алтайским округом [14, л. 11, 12]. О скорой передаче имущества Кабинета государству 14 марта стало известно и Управлению округа, что только усиливало неопределенность его положения. Само Министерство двора с 10 марта уже состояло под управлением комиссара Временного правительства Ф.А. Головина [15, л. 1, 10].

В этих условиях потеря чинами округа остававшейся у них власти к началу третьей декады марта 1917 г. была предreshена. Постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. передавало все имущество бывшего Министерства двора в собственность государства [9, л. 22 об.]. Это предоставляло новым местным властям формальный повод подчинить себе старую администрацию округа. Уже 22 марта комиссар Комитета общественного порядка над Алтайским округом Богословский обязал представлять в Комитет все приказы и циркуляры по округу до их публикации. Л.Л. Маслов сообщил в Кабинет, что вынужден подчиниться Комитету, чем фактически признал верховенство его власти в регионе [16, л. 5]. Подчинение новым властям было зафиксировано даже в служебных бланках округа, в которых с 22 марта предписывалось вычеркивать название министерства и ведомства. Новое постановление Временного правительства от 27 марта 1917 г. передавало земли Кабинета в казну и разделяло центральное управление ими между министерствами земледелия и торговли [17, с. 656]. Временное управление имуществом и ведение всех текущих дел Алтайского округа было сохранено «по-прежнему за Управлением Алтайского округа и местными чинами и служащими округа» [9, л. 25 об.–26]. Но в изменившихся с 20 марта 1917 г. юридических обстоятельствах окружное управление уже не могло считаться полноценной властью в Алтайском округе.

В целом, несмотря на падение самодержавия в ходе Февральской революции, Управление Алтайского округа поначалу позиционировало себя в качестве законной местной власти. Признав Временное правительство, Управление округа пыталось сохранить свою власть в регионе, не признавая полностью властные полномочия созданного в Барнауле

Комитета общественного порядка. Во многом это стало результатом отсутствия указаний от петербургских руководителей Кабинета. Поэтому в первые дни региональных событий Февральской революции чиновничество Кабинета в Алтайском округе продолжало оставаться на своих местах и выполнять служебные обязанности. Сохранение Временным правительством властных полномочий за администрацией Алтайского округа укрепило положение чинов окружного управления во главе с Л.Л. Масловым. Это позволило начать диалог с Комитетом общественного порядка с попыткой подчинить его интересам окружного управления. Наивысшим результатом сохранения властных полномочий Управлением Алтайского округа следует признать работу Согласительной комиссии, принявшей первоочередные меры в целях обеспечения общественного порядка в округе.

Начавшийся после 10 марта 1917 г. процесс ликвидации кабинетской собственности и эскалация выступлений населения против чинов округа предопределили неизбежность потери реальной власти Управлением округа. На это также повлияло то, что местная администрация округа, признав Временное правительство, не установила постоянных контактов с новыми властями в столице, продолжая по-прежнему поддерживать переписку с Кабинетом, ориентируясь на его распоряжения. После официально-юридической ликвидации кабинетского землевладения 27 марта 1917 г. сохранение власти Управлением Алтайского округа сразу же становилось анахронизмом. Покончив с формальным верховенством кабинетских чиновников в Алтайском округе, новые центральные власти страны все же временно оставили полноту полномочий за окружной администрацией на период ликвидации округа. Несмотря на это, теперь необратимым становился процесс подчинения всей вертикали окружного управления вновь создававшимся региональным структурам новой власти. В итоге, любые попытки прежней кабинетской администрации Алтая сохранить властные полномочия или влияние в округе заведомо оказывались бесполезными. В свою очередь, это стало одним из факторов начавшегося распада Алтайского округа как единого административно-хозяйственного пространства.

Библиографический список

1. Борьба за власть Советов на Алтае / под ред. Т.А. Кулакова. — Барнаул, 1957.
2. Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае. — М., 1959.
3. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). — Новосибирск, 1973.
4. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 — начале 1918 гг. — М., 1990.
5. Поляков С.Е. Влияние настроений крестьянства на ситуацию в Алтайском округе (весна 1917 – весна 1918 г.) // Алтайский сборник. — Вып. 21. — Барнаул, 2004.

6. Поляков С.Е., Тяпкин М.О. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв. — Барнаул, 2003.
7. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922 : хрестоматия. — Барнаул, 2001.
8. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917–1920 гг.) : сборник документов. — Барнаул, 1957.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 533.
10. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 540.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 482. — Оп. 6. — Д. 295.
12. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). — Барнаул, 1916.
13. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4389.
14. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 1797. — Оп. 1. — Д. 227.
15. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 30. — Д. 924.
16. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 30. — Д. 864.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства. — 1917. — № 77. — Ст. 439.